

Елфимова М.М. Психологический анализ проблемы ментально-культурного взаимодействия // *Психологический журнал* Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2010. № 1. <http://www.psyanima.ru>.

Психологический анализ проблемы ментально-культурного взаимодействия

М. М. Елфимова

В статье рассматривается проблема межфеноменального взаимодействия – ментальности и культуры. Предлагается психолого-теоретическая схема структурно-содержательного наполнения ментальности. Определяется механизм ментально-культурной трансформации.

Ключевые слова: ментальность, культура, ментально-культурное взаимодействие, групповое сознание, смыслообразование.

К настоящему моменту, практически бесспорным является тот факт, что создание, построение новой национальной идеи, призванной сплотить общество, должно реализовываться на основе существующей в данный момент ментальности (менталитета), то есть с учетом тех стереотипов, ценностей и сверхценностей самосознания, которые выработались у народа за весь период его существования. Для этого необходимо не только изучать географические, исторические, психологические, культурные аспекты формирования современного состояния ментальности, но и отслеживать, как осуществляется взаимное воздействие ментальности и социокультурной сферы жизни общества, то есть ментально-культурное взаимодействие.

Исследование биполярного взаимодействия ментальности и культуры является одной из фундаментальных задач психологии. Значимость исследования этой проблемы связана с анализом источников поведения человека, со способом восприятия и осмысления объективной реальности, решением проблем социализации человека, возможности реализации продуктивной совместной деятельности людей. «Осмысление мира является результатом совместной деятельности людей, вступающих при этом во взаимные отношения. Проблема же описания объектов внешнего мира переносится в сферу языка и дискурса, которые вовлекают участников в символическое взаимодействие в рамках данной культуры» [32, с.12]. Таким образом, фокус научного внимания сосредотачивается не на одном феномене – только «культуры», или только «ментальности», – а на их биполярном взаимодействии.

Сфера изучения ментальности (как и культуры) включает довольно широкий пласт теоретических исследований на стыке разных гуманитарных дисциплин. Внимание многих исследователей было обращено к проблеме определения психологической структуры ментальности (в частности, месту и роли мотивационно-ценностного компонента в ней), её содержания и динамики становления. Вместе с тем, аналитический обзор данной проблематики выявляет отсутствие как единого понимания категории «ментальность», так и целостного механизма её формирования и динамики. Толкование категории ментальности в рассуждениях разных авторов-исследователей противоречиво, нет также четкого, однозначного представления и о структуре данной дефиниции. В предлагаемом теоретическом обзоре мы не ставим целью свести все существующие интерпретации к единой. Для нас интересным представляется рассмотрение варианта объяснения межфеноменального взаимодействия – ментальности и культуры – как возможности уточнения феномена ментальности и обнаружения целостного механизма ментально-

культурной трансформации. Таким образом, мы определяем в качестве объектно-предметного рассмотрения – биполярное взаимодействие ментальности и культуры в психологии, и смыслообразование как психологический механизм ментально-культурной трансформации. Цель качественно-феноменологического анализа будет состоять в уточнении понимания категории «ментальность» и целостного механизма её формирования и динамики в контексте биполярного взаимодействия с «культурой». В соответствии с поставленной целью определяется следующая логика задач: 1) провести теоретический анализ феноменального определения ментальности и культуры; 2) определить структурное содержание данных феноменов, уточнить психолого-теоретическую схему структурного содержания ментальности; 3) рассмотреть механизм ментально-культурной трансформации.

Понятие «культуры» является одним из самых многозначных и сложно поддающихся определению. В трактовке американских культурных антропологов А. Кребера и К. Клакхона она определяется как состоящая «...из эксплицитных и имплицитных норм, определяющих поведение, осваиваемое и опосредуемое при помощи символов; она возникает в результате деятельности групп людей, включая её воплощение в средствах. Сущностное ядро культуры составляют традиционные (исторически сложившиеся и акцентуированные) идеи, особенно те, которым приписывается особая ценность. Культурные системы могут рассматриваться, с одной стороны, как результаты деятельности людей, а с другой – как её регуляторы» [20, 33, Р.96-97].

Этот концепт «ценности и значимости», содержательно замыкающий на себе понятие культуры, присутствует и в попытках психологического осмысления данного феномена. Так, по мнению А.С. Шарова, «ключевым понятием, которое раскрывает и характеризует содержание культуры, выступает значимость, то есть важность, ценность чего-либо или кого-либо, и её разворачивание в деятельности» [30, с.14]. Не отвергая эту точку зрения на культуру, нетрудно заметить, что это есть некая статичная фиксация данного социально-психологического явления. В свою очередь, методологически выигрышным нам представляется подход Э. Шейна. С его точки зрения, наиболее «лучший», что, скорее всего, подразумевает наиболее содержательный, способ определения культуры как абстрактного понятия, – это «взгляд на неё с позиции динамики, эволюции» [31, с.26]. Он подчёркивает, что только при условии понимания, откуда «берётся культура и как она развивается», у нас появляется возможность «описать то, что на самом деле абстрактно, что существует в бессознательном группы, но при этом обладает мощнейшим влиянием на её поведение» [31, с.30]. Э. Шейн определяет культуру следующим образом – это «система коллективных базовых представлений, приобретаемых группой при разрешении проблем адаптации к внешней среде и внутренней интеграции, которые доказали свою эффективность и поэтому рассматриваются как ценность и передаются новым членам группы в качестве правильной системы восприятия, мышления, чувствования в отношении названных проблем» [31, с.31-32]. Таким образом, Э. Шейн указывает на неоднородность данного феномена, присутствие в нём «бессознательного» и «сознательного» уровня психической реальности. Что в свою очередь находит отражение в его структурно-уровневой концептуальной модели культуры* (см. рис. 1).

---

*Следует уточнить, что феномен культуры рассматривался Э. Шейном в контексте концепции организационной культуры

Рис. 1. Уровни культуры по Э.Шейну.

Понятие «ментальность» имеет достаточно широкое толкование: социальное мышление (К.А. Абульханова-Славская), «объективированная человеческая активность в единстве с порождённым ею» (В.А. Шкуратов), групповое сознание в пространстве и времени (Г.В. Акопов, Т.В. Иванова, Т.К. Рулина), критериальная основа личностного и общественного сознания (Б.С.Гершунский), система норм поведения (И.Г. Дубов), национальный характер (Н.О. Лосский), социальные представления (С. Московичи), интегративное личностное образование, носящее групповой характер и отражающее специфику отношений к миру (Д.В. Оборина), мотивы, предпочтения (В.А. Сонин), способ восприятия действительности (Е.В. Гончарова) и др.

Проблема ментальности и междисциплинарные аспекты ее изучения переплетают собой две области знаний: историю и психологию.

Внедрение в научно-исторический обиход понятия «ментальность» связывается с именами М. Блока и Л. Февра, основавших в 1929 г. в Париже журнал «Анналы экономической и социальной истории». Авторы полагают, чтобы понять сущность цивилизации и поведение принадлежащих к ней людей, необходимо реконструировать присущий этим людям способ восприятия действительности, познакомиться с их мыслительным и чувственным инструментарием, т.е. с теми возможностями осознания себя в мире, которое данное общество предоставляет в распоряжение индивида [29].

В 1989 г. в Москве состоялся конгресс «Школа «Анналов» вчера и сегодня». Одной из главных задач форума явилась попытка выработать трактование ментальности в едином ключе. Так, Ж. Дюби понимает под ментальностью «систему в движении, элементы которой взаимосвязаны, состоят из образов, представлений, образующих общественную формацию в разных группах, стратах, по-разному сочетаются, но всегда лежат в основе человеческих представлений о мире, о своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей» [9, с. 52]. Изучение этих представлений является исключительно важным, ибо они влияют на взаимоотношения индивидов внутри общества. Ж. Ле Гофф воспринимает ментальность связующим звеном между развитием материальной цивилизации и социальной жизни с одной стороны, и поведением индивидов с другой [32]. Ф. Арьес под ментальностью понимает культурный субстрат, который в определенный момент становится общим для социума. Автор обращает внимание на неосознаваемую

сторону данного процесса [2]. П. Берк представляет ментальность в виде пересечения разных «сеток» (микропарадигм, стереотипов), которые могут приходиться в противоречие. Он выделяет феномены, конструирующие ментальность: интересы, категории, метафоры. Под категориями автор понимает категориальные схемы, объединяющие как интересы, т.е. внешние социальные условия так и метафоры, т.е. внутренние условия формирования ментальности [4]. А.Я. Гуревич, обратившийся к наследию «Анналов», предпринял попытки систематизировать возможные варианты перевода: это и умонастроение, и мыслительная установка; коллективные представления и склад ума, воображение. И далее, отвечая на вопрос «для чего это нужно», продолжает, – «...человек, тем самым, получает возможность воспринимать и осваивать мир в пределах и ракурсах данных ему его культурой, эпохой» [9, с. 517].

В культурно-исторической парадигме ментальность стала рассматриваться как способ восприятия действительности, мыслительный инструментальный, вырабатывающийся благодаря традициям, образу жизни, языку, культуре – тому, что составляет своеобразную схему поведения, мировосприятия человека. Следовательно, ментальность разных эпох отличалась между собой, видоизменялась со временем и не была однородна и внутри общества. В любом обществе имеются специфические условия, формирующие как коллективный, так и индивидуальный способ восприятия мира, мировосприятие, т.е. ментальность. «Мировосприятие и культурная традиция, религия и психология суть той среды, – резюмирует А.Я. Гуревич, – где выплавляются реакции людей на объективные стимулы их поведения» [11, с.5].

Попытка феноменального определения ментальности с точки зрения её «функционала», подводит Е.В. Гончарову к выделению двух вариантов обобщения психологического понимания. Первое – когда «ментальность» подразумевает способность психики обеспечивать принадлежность индивида к социальному пространству (Б.С. Гершунский, И.В. Грошев, И.Г. Дубов, В.А. Сонин, Т.Г. Стефаненко и др.). С другой стороны (второе), когда «ментальность» рассматривается как способ реагирования на окружающую действительность определенным образом (А.Я. Гуревич, Д.В. Оборина). Согласно первой тенденции, ментальность – есть уникальная логика взаимоотношения культуры и психологии народа, «архетипичное», «общее правило», по которому живут люди определённой эпохи [8]. Т.Г. Стефаненко считает, что «при определении этноса как группы, ключевой характеристикой которой является осознание людьми своей к ней принадлежности», именно ментальность является наиболее подходящей категорией для изучения социально-культурных особенностей народов: «...с первых шагов становления этнопсихологии крупнейшие ее представители изучали именно ментальность, хотя и под другими названиями» [27, с.137]. «Ментальность – это характерная для какой-либо культуры специфика психической жизни представляющих данную культуру людей, детерминированная в историческом аспекте экополитическими условиями жизни. Менталитет как область психологической жизни людей проявляется через систему взглядов, оценок, норм, умонастроений, которые основываются на имеющихся в данном обществе знаниях и верованиях. Последние, наряду с доминирующими потребностями и архетипами коллективного бессознательного, задают иерархию ценностей и характерные убеждения, идеалы, социальные установки» [14, с.12]. Вторую тенденцию, – ментальность как способ реагирования на окружающую действительность определенным образом, – проиллюстрируем исследованием Д.В. Обориной. Так, обращаясь к проблеме становления профессиональной ментальности, она замечает, что более продуктивным ей представляется рассмотрение ментальности как «глубинных, часто неосознанных и неотрелфлексированных личностных особенностей, отражающих отношение человека к миру и определяющих выбор того или иного способа поведения в повседневных жизненных ситуациях... Ментальность выражает повседневный облик коллективного сознания» [25, с.4]. Идеи на уровне

ментальности – это не порожденные индивидуальным сознанием завершенные в себе духовные конструкции, а восприятие такого рода идей определенной социальной средой, восприятие, которое их бессознательно и бесконтрольно видоизменяет, искажает и упрощает (А.Я. Гуревич). «Важно подчеркнуть, что ментальность является не индивидуальной, а групповой характеристикой и отражает специфику отношения к миру представителей тех или иных социальных групп» [25, с.4]. Ментальность понимается как «перманентно протекающий, неосознаваемый индивидами групповой процесс символично-семиотического моделирования, структурирующий стилевое когнитивно-эмоциональное единообразие картины мира социокультурной общности» [18, с.8].

Нам кажется, что выделение этих двух образовавшихся концептов (обобщений), неслучайны, и вполне объяснимы. Первое из них отражает процесс **интеграции**, а второй **дифференциации** – приобретение той или иной социальной общностью автономности, исключительности, самобытности (иначе обозначаемого формулой «мы-они»). «Целостная психологическая организация процессов интеграции и дифференциации, которая обеспечивает выполнение тех или иных регулятивных функций, – это и есть психологический механизм изменения ценностно-смысловой сферы... Дифференциация и интеграция значимости... характеризует развитие культуры» [30, с.88]. Развитие выступает как многосторонний процесс, протекает на разных уровнях и включает как макро-, так и микрогенетические изменения, **интеграцию** и **дифференциацию** системы и ее функций. «В ходе этого процесса происходит смена детерминант и оснований «психических качеств человека» [23, с.102].

Как уже было подчёркнуто, мы не ставим задачу свести определения ментальности к чему-то общему, тем не менее, обнаруживается следующий концентрат понимания: 1) феноменальная природа ментальности связана с сознанием. При расширенной его интерпретации, то есть, включая осознаваемые и неосознаваемые проявления психического [1, 16]; 2) групповой (коллективный) характер данного феномена, характеристика общности; 3) явление ментально-культурной реконструкции определяется тем, что «в реальном процессе психического развития оба варианта – **интеграции** и **дифференциации** – выступают в диалектической взаимосвязи» [23, с.94].

Что касается вопроса структуры ментальности, то, по замечанию Г.В. Акопова, изучение группового сознания вне пространства, времени и культуры, это лишь вариант его внутреннего рассмотрения. Он подчеркивает, что любую группу формируют не только её внутренние условия. На неё оказывает самое непосредственное влияние та общность, в которой она «живёт» и развивается. Поэтому обращение к понятию ментальности – это новый уровень научного осознания общественной жизни как взаимовлияния, взаимообусловленности отдельных групповых сознаний, рассматриваемых не только как составляющие единого поля человеческого сознания, но и привязанных к историческому времени, географической территории и культуре [1]. В свою очередь, пространство и время рассматриваются некоторыми исследователями и как системообразующие в структуре культуры. В частности, по мнению американского этнопсихолога Э. Холла, пространство и время – два ядра культуры «вокруг которых вращается все остальное», поэтому, по тому, на какое время (полихронное/монокронное) ориентируется культура и по проксеимической дистанции при общении людей, можно судить о всей культуре в целом (цит. по: [27]).

Проводя методологический анализ феномена ментальности, его структуры, Е.В. Гончарова констатирует ряд компонентов, выделенных разными авторами (Гончарова, 2005), и «выпадающих в некий общий знаменатель». Это:

- 1) бессознательное (индивидуальное, коллективное) – Ф. Арьес (1996);
- 2) культура, традиция – Ф. Арьес (1996);
- 3) глубокий пласт представлений, образов – Р. Шартье (1996), Ф. Бродель (1996), Ж. Дюби (1989);

- 4) код поведения – Ф. Граус (1996);
- 5) сфера аффективного – В. Рауф (1987);
- 6) иерархия мотивов, система ценностных ориентации – А. Дюпрон (1996);
- 7) способы мышления, восприятия – П. Динцельбохер (1993).

Мы находим, что этот «общий знаменатель», определившийся в историко-культурологических исследованиях, конкретизируется в структуре ментальности социальных систем, выделенных Г.В. Акоповым [1, 16]. Она представлена следующими компонентами. Первое – *целесолагание* (как основная направленность «**внимания**» системы, которая определяется стилем управления системой) позволяет системе выбрать главную цель своего существования, то есть осознать свою историческую миссию, второе – историческая коллективная «**память**», сохраняющая *традиции системы*, в данном случае выступает мерой развитости системы относительно других систем и определяет потенциальную возможность осуществления системой своей миссии. Осознав миссию, система неизбежно должна обратиться к *поиску средств достижения цели* (групповая перцепция, «**восприятие**»). После оправдания выбранных средств система определяет *содержание жизни, соответствующее идеалу* (порождает свой *психологический климат*, который складывается из «**аффективных**» составляющих базовой личности системы). Далее в своем жизненном цикле система формирует свое главное национальное своеобразие – характер *народ* (групповое системное «мышление» приводит к *выработке общепринятых в системе норм*). Динамика развития системы зависит от деятельности ее представителей, которые становятся *субъектом исканий* (стереотипы общения и *выработка общественного мнения системы*, таким образом, проявляется «**воля**»).

Выделенные структурные компоненты свидетельствуют о широком спектре характеристик исследуемой категории. Очевидным, исходя уже из структурного анализа, представляется положение о взаимодействии и взаимовлиянии сферы сознательного и бессознательного в формировании ментальности. Обобщая результаты научного диспута, мы предполагаем, что ментальность разнородна, инерционна, находится между индивидуальным и коллективным, неосознанным и сознаваемым. Однако до конца не уточненным остаётся вопрос о стержневом, системообразующем компоненте ментальности.

Суть ментальности можно определить как «степень согласованности» группы (в поведении, ценностях, «умонастроении», «единомыслие», т.е. всё то, что включает в себя содержание ментальности). Чем согласованнее группа, тем сильнее выражено своеобразие её ментальности [16]. И в этом случае возникает вопрос, – при каких условиях возрастает возможность этой согласованности? Проблема категории ценностей, составляющих главную смысловую ось ментальности, её несущий стержень, «применительно к схематике универсума заключается в том, чтобы понять, какой же именно элемент схемы универсума является её аксиологическим центром» [18]. Иначе можно сказать, что качественная характеристика согласованности социальной системы как общности будет определяться уровнем её нахождения на смысловой оси ментальности. Мы предполагаем, можно говорить о выделении характерного для данной социальной системы смыслового профиля. Смысл понятия «ценностные идеалы» предполагает активную позицию в собственной ценностной регуляции, возможность выступать субъектом, который способен оценивать собственные ценности и проектировать в воображении движение к ценностям, отличающимся от сегодняшних. Ценностные идеалы, выступают как идеальные конечные ориентиры развития ценностей субъекта (в его представлении, в миссии) и отражают тенденцию передвижения на смысловой оси ментальности социальной системы, выступающей субъектом. Таким образом, стержневым фактором, проецирующимся на все компоненты в структуре ментальности и определяющим вектор передвижения и ментальной трансформации будет «смыслообразующая вертикаль», как система схождения «значимостей» [5] (см. рис. 2).

Переходя к вопросу соотношения ментальности и культуры, отметим, что в методологическом плане чёткого разграничения данных понятий не установлено. Е.А. Таршис полагает, что «содержанием ментальности является проекция содержания культуры и каждой культурной общности» [28, с.27]. В.П. Визгин рассматривает ментальность как некий субстрат, включающий в себя «...природное и культурное, рациональное и сознательное и бессознательное, индивидуальное и общественное» [6, с.250].

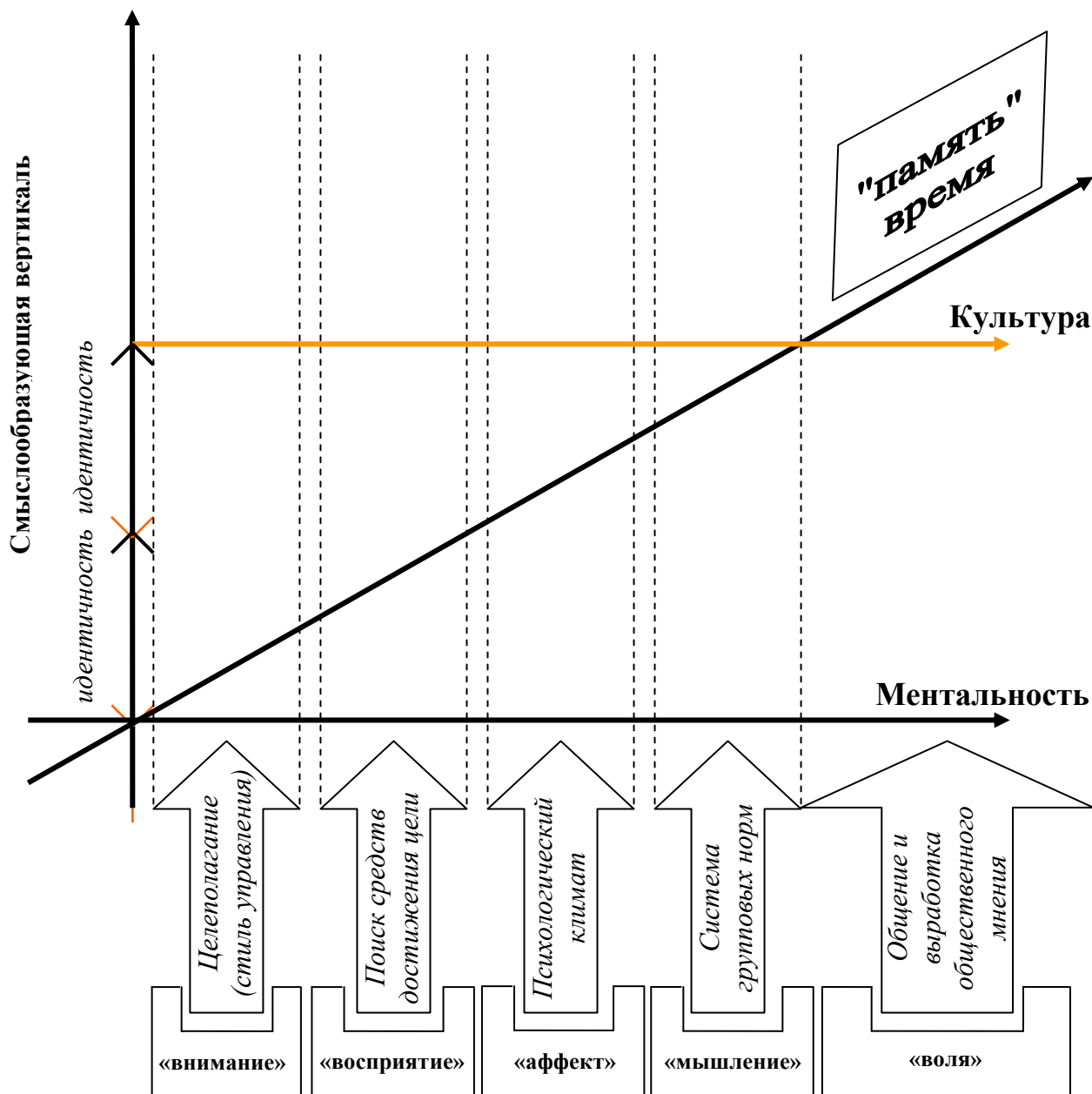

Рис. 2. Схема структурно-уровневого строения ментальности.

«Ментальность, – отмечает В.В. Бабаянц, – выступает как совокупность бессознательных комплексов, складывающихся в процессе адаптации человеческого коллектива (этноса) к окружающей природно-социальной среде и выполняющих в этнической культуре роль основных механизмов, ответственных за психологическую адаптацию этноса к окружающей среде» [3, с.181]. Сознание и подсознание – составляющие и ментальности, и культуры. Тогда по логике мы получаем сознаваемую-неосознаваемую

ментальность и сознаваемую-неосознаваемую культуру, что в принципе абсурдно. В этом случае, мы предполагаем, что ментально-культурное соотношение приобретает характер «слоеного пирога», где ментальность определяется как более глубинный пласт и «обобщает качественное представление о системе процессов на разных уровнях психики» (Г.Е. Журавлёв). Здесь, параллельно удерживая в фокусе внимания вопрос структуры, сразу же заметим, что определение культуры Э. Шейна, также содержит компонентное наполнение в виде системы «восприятия» (перцепции), «мышления», «чувствования» (аффекта). Это и позволяет нам утвердиться в нашей идеи некой «вложенности» культуры в ментальную оболочку. Можно заметить, что и большинство исследователей включают культуру в состав ментальности, которая «вбирает» её в себя «как самое ценное, что становится целью существования и развития общества». Ментальность задает ядро культуры, репрезентирует ее исходные смыслы через действующие в данной культуре запреты, максимы и предписания, очерчивает возможный и уместный диапазон семиотических средств культурного строительства [18]. Однако «содержательный состав ментальности культурой не ограничивается» [16, с. 68]. Т.В. Иванова подчёркивает и обратный момент, согласно которому ментальность «должна найти своё «отражение» в культуре» (там же). Соглашаясь с одним из аспектных определений культуры П.А. Сорокина как совокупности, модификаций действий (Сорокин, 1992), мы предполагаем, что выделение типов культур, упомянутых впоследствии в работах Б.В. Джонстоном, как раз и указывает на ту или иную зафиксированную во времени модификацию действий [13]. И здесь необходимо обозначить и оговорить более широкий контекст использования категории «действия», она будет синонимична «активности» человека в целом. Мотивы, смыслы и ценности ограничивают активность человека в жизни, тем самым регулируя её [30]. Но эта регуляция, как подчёркивает А.С. Шаров, идет на разных уровнях – стратегическом, тактическом, операциональном. Возникают когнитивные диссонансы между высшими ценностями и трансформационными изменениями в культурных типах. Типы культур сменяют друг друга. Эта способность к переменам порождается ментальностью, а именно её аксиологическим вектором. По мнению Б.В. Джонстона, чем дольше доминирует определенная ментальность, тем больше накапливается аномалий [13]. Постепенно приходит понимание несоответствия структурной организации системы и видоизмененной ментальности социума. Возникший диссонанс между высшими ценностями и трансформационными изменениями в культурных типах и будет определять дальнейшую ментально-культурную реконструкцию.

Таким образом, мы ещё раз убеждаемся и «утверждаем статус», приведя в движение теоретико-психологическую модель ментальности, системообразующей позиции «смыслообразующей вертикали».

Далее, попробуем «масштабировать» и понять, как происходят внутренние перестройки ментальной системы, её микрогенез, определяющий качественные изменения, в том числе и культуры.

Мы уже подчёркивали, что момент ментально-культурной реконструкции – явление динамичное и само феноменальное определение ментальности и культуры требует взгляда на них «с позиции динамики, эволюции» (Э. Шейн). В связи с этим, опираясь на компонентное определение ментальности Г.В. Аكوпова, и обозначенный механизм «дифференциации – интеграции значимости», уточним, как происходят внутренние микрогенетические перестройки ментальности. Само структурное построение ментальности Г.В. Аكوпова основано на схеме В.А. Ганзена, которую определяют как «структуру сознания» или «структуру человеческой психики в целом» [1, 16]. Ментальность регулирует предметную деятельность индивидов, эта договорённость о правилах взаимодействия приводит к выработке общепринятых в системе норм [15]. Необходимость объяснения мира людьми («мышление»), среды своего нахождения и со-действия, определила развитие допонятийного, «мифического» мышления, которое не противоречило практической

деятельности людей. В настоящее время «мифическое» мышление сохраняет свой регулятивный функционал через «глубинные», неотрефлексированные представления (мифы). А.Б. Косарёва отмечает, что переход от допонятийного мышления к понятийному определяется ростом самосознания: «...установка допонятийного мышления на невосприятие субъектом себя в поле мира, на невычленность себя из рода, общины, постепенно снимается и замещается на противоположную установку на развитие своей индивидуальности и неповторимых личностных качеств» [19, с. 143]. В контексте «акоповской» модели ментальности это есть «активное начало», поиск, инновации, то есть выделение «субъекта исканий». Допонятийное мышление ограничивало и не давало возможности понять *время* – его сущность и протекание. Ограничения в восприятии времени снимаются лишь с развитием понятийного мышления. Время начинает осмысливаться. «Восприятие времени имеет непосредственное отношение к такому процессу человеческой психики, как память, суть которого состоит в сохранении и воспроизведении прошлого опыта... Аналогией индивидуальной памяти в общечеловеческом масштабе является культура – память человечества о самом себе... Культурная память проявляется в традициях» [19, с. 143]. Таким образом, взаимодействие «памяти» (традиций) и «мышления» (инноваций), а также «воображения» определяет микрогенез системы. Эта системная перестройка порождает цепную реакцию уже в новой плоскости – плоскости «со-действия» между людьми, определяя появления диалектического отношения – менять «прежние правила взаимодействия (инновации) или оставлять (традиции)»? Трансформация принимает характер макрогенетических изменений, затрагивающих плоскость социокультурного взаимодействия, плоскость контактирования человека со средой.

Переходя к вопросу о макрогенезе, ещё раз обозначим это «замыкание во взаимодействии»: ментальность формируется под влиянием культурных традиций социальных структур, и сама, в свою очередь, формирует, трансформирует эти структуры, «выступая как порождающее сознание, как трудноопределимый поток культурно-исторической динамики» [6, с. 177]. Развитие человеческой психики (ментальности) ведёт за собой трансформацию культуры. А она затем провоцирует дальнейшие изменения психики (ментальности). Отражение культуры в сознании происходит в виде совокупности картин мира, представлений о мире, образов. Примерно такую же схему взаимодействия ментальности и культуры мы обнаруживаем у А.Я. Гуревича: ментальность – это некий сложный образ, внутренняя картина мира, отражающая культуру общества [12]. С позиции исследователя следует, что «ментальность – это возможность человеческого сознания воспринимать и осваивать мир в тех пределах и ракурсах, которые даны ему его культурой; содержанием ментальности является отражение культуры в сознании индивида в виде образов, представлений». Культура же «образует некоторую невидимую сферу, за пределы которой принадлежащие к ней люди не в состоянии выйти» [9, с.31]. Акцентируем на этом внимание – «предел», «ракурс»... Этот ключевой, на наш взгляд, момент во взаимодействии ментальности и культуры, обозначенный А.Я. Гуревичем как момент «предельной» сопряжённости, находит своё продолжение и содержательное рассмотрение в исследовании А.С. Шарова. Диалектическое осмысление регуляции взаимодействия человека с миром приводит, как он подчеркивает, к выделению психологической структуры культуры, и даёт «возможность выйти на новое и достаточно продуктивное для психологии понятие – граница» [30, с.8]. Под границей понимается «психологическое образование, имеющее количественно-качественную определенность и выполняющее регулятивную функцию (адаптации, развития и формирования) посредством процессов дифференциации и интеграции» [30, с. 66]. Онтологическим проявлением роли границ в культуре являются тотем и табу, диалог; суть диалектики границ в том, что, включая в себя одно и иное, их противоречие и тождество, граница всегда энергийна, напряжена отношениями...» [30, с. 59]. «Общая и принципиальная линия заключается в том, что только во взаимодействии, в

деятельности идет формирование новых границ (психологических образований). ... При интериоризации граница взаимодействия человека и мира расширяется, включая все более глубокие образования, функционирование которых необходимо для осуществления самого взаимодействия... Граница – это пространство постоянного взаимодействия (диалога, общения, встречи), которое никогда не прекращается» [30, с. 92].

Двойственность социокультурной динамики проявляется в том, что ментальность способна изменяться как под влиянием культуры, доминирующей в настоящее время в социуме, так и сама трансформировать культуру в новую сверхсистему (см. рис. 3).

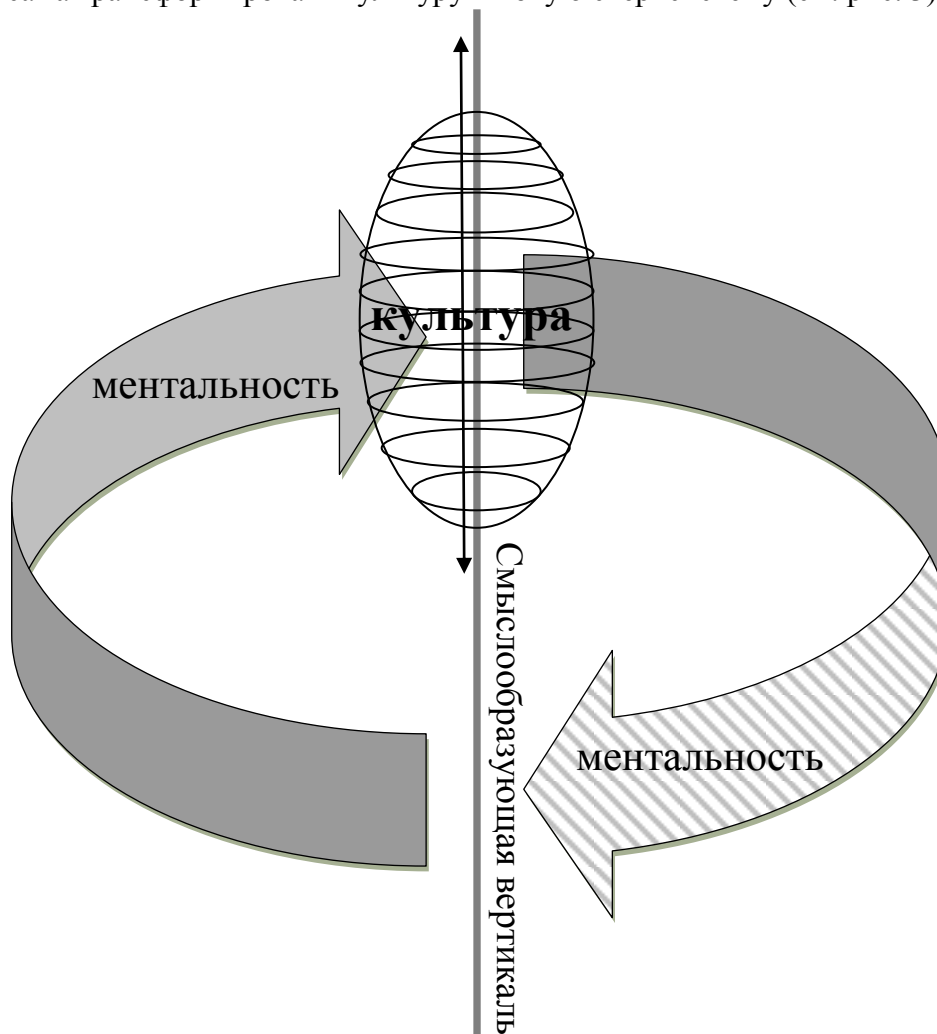

Рис. 3. Схема ментально-культурной трансформации

Ментальность придает смысл и единство структурным компонентам культуры, и сама, в свою очередь, способна видоизменяться под влиянием перемен в данной системе. Активная ментальность, опирающаяся на рефлекслируемые (осознаваемые) компоненты психики человека, является базисом нового типа личности: «ценностные ориентации как психологический механизм регуляции проявляют себя целостно как функциональный орган и включают активность и рефлексю» [30, с. 244]. Таким образом, мы разделяем констатацию, что ментальность изменяется, трансформируется благодаря собственному динамическому процессу, вызванному осознанием объективной реальности или «границы» (А.С. Шаров). И в этом случае «смыслообразующая вертикаль» будет выступать одновременно индикатором «местонахождения» и вектором, определяющим ментально-культурную трансформацию.

Литература:

1. Акопов Г.В. Проблема сознания в психологии. Отечественная платформа. Самара. Изд-во СНЦ РАН – СамИКП, 2002. – 206 с.
2. Арьес Ф. История ментальностей // История ментальностей, историческая антропология Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М.: РГГУ, 1996, с. 26-30.
3. Бабаянц В.В. Межкультурное общение: некоторые аспекты коммуникативных барьеров // Научные труды СевКавГТУ: серия «Гуманитарные науки» (Ставрополь), 2003, Вып. 8, с. 180-184.
4. Берк П. Сила и слабости ментальностей // История ментальностей. Историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М.: Институт всеобщей истории РАН, РГГУ, 1996. – 254 с.
5. Братусь Б.С. Личностные смыслы и вертикаль сознания / Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н.Леонтьева / Под ред. А.Е. Войскунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. – М.: Смысл, 1999. – 429 с.
6. Визгин В.П. Ментальность, менталитет // Современная западная философия: словарь / сост. В.С. Малахов, В.П. Филатов. – М., 1991. – с. 176-178.
7. Гончарова Е.В. Мотивационный компонент в структуре ментальности личности. Автореф. дис. ...канд. психол. наук. Хабаровск, 2005.
8. Грошев И.В. Экономические реформы России через призму русской ментальности // Социально-гуманитарные знания, 2000, № 6, с. 25-47.
9. Гуревич А.Я. Школа «Анналов» и проблема исторического синтеза. – М.: Индрик, 1993. – 328 с.
10. Гуревич А.Я. Социальная история и историческая наука // Вопросы философии, 1990, №4, с. 23-25.
11. Гуревич А.Я. К читателю // Одиссей-89. М.: Наука, 1989. – с.8
12. Гуревич А.Я. Ментальность // 50/50. Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс – Пайо, 1989. – 557с.
13. Джонстон Б.В. Экзистенциальная феноменология и социология Питирима Сорокина // Журнал социологии и социальной антропологии, 1999, Т. 2, №2.
14. Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии, 1993, №5, с. 20-29.
15. Журавлев Г.Е. Руководители и персонал сквозь призму ментальности // Прикладная психология, 2001, № 2, с. 23-45.
16. Иванова Т.В. Городская ментальность как предмет психологического исследования. Самара. Изд-во СНЦ РАН, 2003. – 198 с.
17. История ментальностей. Историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. – 254 с.
18. Калина Н.Ф., Чёрный Е.В., Шоркин А.Д. Лики ментальности в поле политики. Киев, 1999. – 183 с.
19. Косарева А.Б. Психологические механизмы культуры // Альманах кафедры философии культуры и культурологии и Центра изучения культуры философского факультета СПбГУ. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001, Вып.1, с. 135-146.
20. Кребер А. Культура. Критический анализ концепций и дефиниций / А. Кребер, К. Клакхон. – М., 1992. – 235 с.
21. Кребер А.Л. Избранное: Природа культуры: научное издание / А.Л. Кребер; пер. с англ. Г.В.Вдовиной. М.: РОССПЭН, 2004. – 1008 с.
22. Липатов С.А. Социально-психологическая диагностика организационной культуры. Автореф. дис. ...канд. психол. наук. Москва, 1999.

23. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. – 444 с.
24. Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России) / Под ред. И.Г.Дубова. М.: Имидж – Контакт, 1997. – 478 с.
25. Оборина Д.В. Становление профессиональной ментальности педагогов и психологов. Автореф. дис. ...канд. психол. наук. Москва, 1992.
26. Сорокин П.А. Проблема социального равенства // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред. А.Ю. Соколова. М.: ИПЛ, 1992. – с.20-23.
27. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов – М.: Аспект Пресс, 2003. – 368 с.
28. Таршис Е.Я. Ментальность человека: подходы к концепции и постановка задач исследования / РАН. Ин-т социологии. – М., 1999. – 82 с.
29. Февр Л. Как жить историей // Бои за историю. – М.: Наука, 1991. – 387 с.
30. Шаров А.С. Система ценностных ориентаций как психологический механизм регуляции жизнедеятельности человека. Автореф. дис. ...д-ра психол. наук. Новосибирск, 2000.
31. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. 3-е изд. / Пер. с англ. Под ред. Т.Ю. Ковалёвой. – СПб.: Питер, 2008. – 336 с.
32. Le Goff J. Les rêves dans la culture et la psychologies collective de l'Occident // Pour un autre Moyen-Age. – 1975.
33. Kroeber A., Kluckhohn C. Culture: a critical review of concepts and definitions// Cambridge, MA: Peabody Museum, 1952, v. 47 (3), p.161.

Поступила в редакцию 17.05.2010 г.

Сведения об авторе

М.М. Елфимова – кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной и педагогической психологии Оренбургского государственного педагогического университета.
E-mail: m-elfimova@rambler.ru